

Книги Павла Корнева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО
ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР**

Цикл
«ПРИГРАНИЧЬЕ»

**ЛЕД
СКОЛЬЗКИЙ
ЧЕРНЫЕ СНЫ
ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ
ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ
ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО
ЛЕД. ЧИСТИЛЬЩИК**

Цикл
«ЭКЗОРЦИСТ»

**ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ
ЖНЕЦ
МОР**

© Yudin 2013

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ

ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР

РОМАН

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 860

Художник
О. Юдин

Корнев П. Н.

К67 Дивизионный комиссар: Фантастический роман.—
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 346 с.:
ил.— (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1552-6

Мир, расколотый на части, и связывают их лишь железные дороги. Поезда, мчащиеся напрямик через застывшее время. Алхимические фабрики, перерабатывающие и пережигающие в энергию саму Вечность. Странные и страшные сущности, иной раз проникающие в города и одним своим касанием превращающие людей в «тронутых» — тех, кто перестал быть живым, но кому не повезло при этом умереть.

Главный герой — специальный комиссар полиции, расследующий дела, в которых замешаны сущности, подпольные алхимики и бомбисты. Когда по городу прокатывается череда странных убийств и ограблений, он вдруг понимает, что разгадка может крыться в его прошлом.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1552-6

© Корнев П. Н., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ГЛАВА 1

Ключ в замке входной двери провернулся почти бесшумно, но хватило и этого. Я проснулся.

Проснулся, нашарил под кроватью штуцер, направил его граненые стволы в коридор.

А оттуда — щелчок выключателя, скрип платяного шкафа, приглушенный шорох душа. После — осторожные шлепки босых ступней.

Когда Анна зашла в спальню, оружие вновь лежало под кроватью, а я делал вид, будто крепко сплю.

— Не притворяйся, — улыбнулась девушка, повесила влажное полотенце на подлокотник кресла и забралась под одеяло.

Повеяло легкой смесью духов, вина и табачного дыма; я провел ладонью по нежной коже стройного бедра, но Анна вдруг выгнула спину, вытесняя меня с нагретого места.

— Тебе пора! — пробормотала она. — Опоздаешь.

— Вот так всегда, — пробурчал я, усаживаясь на кровати.

— Это твой рабочий график, — напомнила подруга. — Не мой.

— Никто и не спорит.

Поежившись, я взял с тумбочки наручные часы и взглянул на светившиеся в темноте стрелки.

Без четверти полночь. И в самом деле — пора.

— Поздно ты сегодня, — зевнул я, защелкнув на запястье металлический браслет хронометра.

— Была на открытии дома-музея Дэвида Волина. — Анна перевернулась на другой бок и зевнула. — Устала как собака. Ног не чувствую.

— Это кто еще такой? Первый раз слышу.

— Если бы ты хоть самую малость интересовался моей работой...

— Меня интересуешь ты, а не твоя работа.

— Не прочитаешь сегодняшнюю статью, разговаривать с тобой не буду.

— Договорились, — усмехнулся я, поднялся с кровати и отправился в ванную комнату.

Холодный душ мигом прогнал остатки сна, зубной порошок избавил от неприятного привкуса во рту, а вот побриться я уже точно не успевал, поэтому лишь задумчиво потер ключую щетину на подбородке и вернулся в спальню. Открыл стоявший у двери шкаф — и комнату осветило сияние расчертивших полировку полок серебряных линий. Металлические пентаграммы и гексаграммы тихонько мерцали, подсвечивая расставленные в их вершинах патроны.

Шестиконечные звезды давали приют тупоконечным мельхиоровым коротышам; пентакли занимали их старшие братья — винтовочные боеприпасы пятидесятого калибра. Там уже ни о каком мельхиоре и речи не шло: и гильзы, и вытянутые пули изготавливались из чистого серебра. Стоявшие наособицу патроны к штуцеру семьдесят пятого калибра тоже были полностью серебряными, только темнели свинцом экспансивные полости пуль. На общем фоне они казались настоящими великанами, и немудрено: калибр три четверти дюйма — это серьезно.

— Мешаешь спать, — сонно пробормотала Анна.

— Сейчас, — пообещал я и натянул брюки. Застегнул сорочку, начал завязывать галстук и задумался, какой из револьверов выбрать: табельный «Детектив» или личный «Марли» с более длинным, трехдюймовым стволом.

Решив в итоге обойтись компактным «Детективом», я откинул в сторону барабан револьвера и осторожно взял один из мельхиоровых коротышей. Пальцы уловили неприятную дрожь заточенной в заряде *сущности*, но к подобным ощущениям мне было не привыкать. Гильза мягко провалилась в камору, оставив на виду лишь донце с вырезанным из серебряной фольги пентаклем.

Конструкция проще некуда: жмешь спуск, боек разрушает пентаграмму и заточенная в патроне сущность вырывается

на волю. Прошивая все на своем пути, она, в зависимости от длины ствола, мчится футов сорок — пятьдесят, а потом попросту исчезает, растворяясь во враждебном ей пространстве и времени.

Стрелять пулей, разумеется, надежней, но не брать же на деловую встречу винтовку? За барабанным карабином по праву закрепилась дурная слава излюбленного оружия гангстерских разборок, да и под плащом его прятать неудобно...

Я вынул из пентаграммы второй патрон, загнал его в камору откинутого барабана и потянулся за следующим.

Только так, только по очереди. Стенки гильз способны удержать лишь одиночную сущность, если боеприпасы соприкоснутся, самопроизвольной детонации не избежать. Запросто можно остаться и без пальцев, и без головы — это уж как повезет.

Именно поэтому все оружие, кроме двуствольных штуцеров под совсем уж «злой» боеприпас, оснащалось барабанами. И чем мощнее был патрон, тем массивнее требовался барабан, а все попытки создать карманный револьвер под патрон с пулей успехом так и не увенчались. Из-за недостаточной толщины перегородок между каморами сущности дотягивались друг до друга, превозмогали алхимические защитные формулы и вырывались на волю, обычно с фатальными для испытателя нового образчика стрелкового вооружения последствиями. Ослабленные же, они оказывались просто не в состоянии прогнать кусочек серебра по нарезам ствола.

Полностью зарядив револьвер, я убедился, что все шесть камор окружило серебристое сияние пентаграмм, и сунул оружие в кобуру. Прицепил ее на пояс, убрал снаряженный патронами увесистый спидлоадер — по сути, тот же самый барабан — в кожаный чехол и пристроил его рядом.

— Как погода? — спросил я после этого у подруги и по привычке выдвинул из чехла зеркальный клинок служебного ножа — шесть дюймов остро заточенной стали, способной рассечь даже выбравшуюся из Вечности сущность.

— Погода собачья, — зевнула в ответ Анна. — Надень плащ.

Убедившись, что на алхимическом покрытии клинка ни

пятнышка, я вернул оружие в ножны и спрятал под пиджак. Вышел в прихожую, снял с вешалки плащ, достал с верхней полки шляпу.

— Приятных снов, — произнес, заглянув обратно.

— Чао, любимый, — донеслось в ответ.

На улице и в самом деле оказалось премерзко. С неба сыпал мелкий противный дождик, холодный ветерок теребил ветви деревьев, на тротуаре темнели пятна луж.

Как я и предполагал, ни одного такси поблизости не оказалось, пришлось поднять воротник плаща и отправиться к ближайшей станции подземки пешком. Пройдя через вращающиеся двери в безлюдный вестибюль, я отряхнул шляпу и начал спускаться в полутемное, едва освещаемое тусклыми фонарями нутро подземной железной дороги. Примерно на середине лестницы дала о себе знать близость Вечности, и у меня заложило уши. Стало трудно дышать, в голове зазвучал неразборчивый шепот.

На миг остановившись, я прикоснулся к вискам, сосредоточился и уже совершенно спокойно отправился дальше. Призрачное присутствие чуждой людям стихии никуда не делось, но теперь оно растворилось в дуновениях встречного сквозняка. Стало чем-то само собой разумеющимся, не стоящим внимания.

Дело привычки на самом деле.

На платформе не оказалось ни души. Оно и понятно — на часах полночь.

При одном взгляде на провал туннеля меня пробрало до самых костей, но я не стал потворствовать беспочвенным страхам, подошел почти вплотную и встал на краю перрона. С показным безразличием сунул руки в карманы плаща и уставился на бесцветное тускло-серое безвременье, запечатое алхимическими формулами внутри каменного свода стен.

Вечность. Это всего лишь Вечность.

Никто доподлинно не знал, что именно представляла собой окружавшая города материя, а те, кто заявлял, будто им удалось разгадать главную загадку мироздания, либо уже числились пациентами лечебницы Святой Марии, либо име-

ли очень неплохие шансы перебраться в это заведение для душевнобольных в самом скором времени.

Я мог поручиться лишь за то, что Вечность не слишком уютная штука. Большинство случайно угодивших туда людей становились легкой добычей сущностей, а когда завладевшие их телами твари прорывались обратно в город, дело заканчивалось большой кровью.

Или не заканчивалось, если поблизости оказывался я или кто-то из моих коллег.

По заполнившему туннель мареву вдруг пробежала легкая дрожь, терявшиеся в нем серебряные рельсы мелко-мелко завибрировали, а миг спустя, разорвав небытие, на станцию вылетел состав.

Глухие, без единого окна вагоны разительно отличались от красочных поездов междугороднего сообщения; их облезлые борта пестрели многочисленными царапинами, сколами и вмятинами. Оно и понятно: у муниципалитета постоянно не хватало денег на ремонт подвижного состава, а чем интенсивней эксплуатировалась железнодорожная ветка, тем больше собиралось вокруг сущностей и тем агрессивней они себя вели. Некоторые эксцентричные философы даже полагали, будто порождения Вечности на самом деле представляют собой нематериальные прообразы вещей, явлений и даже эмоций, суть — эйдосы, а поскольку подобное тянется к подобному, то к людям и льнули воплощения агрессии, страха, злости и лживости.

Почему не любви и милосердия? Ха, не смешите меня! В переполненной-то подземке?

Это город Осень, так-то...

Погнутые двери с металлическим лязгом распахнулись, я шагнул в пустой вагон, но садиться на протянувшиеся вдоль стен сиденья не стал. Вместо этого развернулся лицом к выходу и покрепче ухватился за поручень. Новый лязг, толчок — и состав, постепенно набирая скорость, тронулся с места.

Приближение Вечности ощущалось подобно сквозняку из открытого подвала, а потом — раз! — и окружающий мир растворился в заполнившем пространство ничто и никогда. Исчезли расстояния, пропало время, реальной осталась

лишь дрожь колес, размеренно подрагивавших на стыках рельс.

Будто оказался в заполненном воздухом аквариуме, а кругом лишь мириады и мириады километров воды. И ты — один...

Большинство пассажиров просто не могли осознать этого, по их субъективным ощущениям путешествие длилось не дольше двух-трех ударов сердца, но отдельные индивидуумы оказывались слишком восприимчивыми к безвременью, и для них минутная поездка тянулась целую вечность.

Целая вечность, проведенная в замкнутом помещении вагона, — такое кого угодно с ума сведет, поэтому лечебница Святой Марии не пустовала никогда. Впрочем, убойная доза морфина позволяла при необходимости перебираться из города в город даже подобным уникамам. В спальном вагоне и под присмотром железнодорожного медика, само собой.

В этот момент поезд вылетел на станцию, меня качнуло и сразу стало легче мыслить. Вечность ослабила хватку и перестала давить своей нереальностью, но передышка долго не продлилась. Лязг дверей, толчок тронувшегося вагона — и вновь заполонила душу непонятная маета, принялась рвать сознание тоска, резануло по нервам ощущение собственной беспомощности.

Да, я чувствовал Вечность острее других людей и до конца так для себя и не определился, дар это или проклятие.

Детство мое прошло на крошечном полустанке, где вечно царили сумерки, и тогда у меня было два самых заветных желания: увидеть настоящий рассвет и стать проводником.

Именно поэтому я наперечет знал все проходящие через станцию поезда: синий экспресс, желто-зеленый скорый, желто-красный пассажирский и даже отличавшиеся лишь цифрами на бортах вагонов товарняки. Пока сверстники до дыр зачитывали комиксы, я тратил карманные деньги на журналы о поездах и собирал их масштабные модели. У меня была цель в жизни: я точно знал, кем стану.

Но не срослось. Когда после окончания школы отправился в свою первую поездку через безвременье, то оказался до глубины души поражен, сколь неприятным вышло путешествие. Неприятным, жутким, изматывающим.

Мне и подобным мне, чье внутреннее время слишком сильно проявляло себя, делать в поездах было нечего.

А рассветы... Рассветы в каменных джунглях вечной осени мало чем отличались от тех самых сумерек, из которых я сбежал. Особенно если ложишься за полночь, а по утрам с трудом продираешь глаза, когда начинает мерзко трезвонить заведенный на шесть часов будильник.

Впрочем, я ни о чем не жалел. Что для проводника — признак профнепригодности, для рядового патрульного — возможность претендовать на зачисление в специальный дивизион полиции. Карьерный рост, неплохой оклад, приличный социальный пакет...

Раздавшийся над головой скрежет сбил с мысли и заставил напряженно уставиться на потолок. На всякий случай я даже расстегнул плащ и нашарил рукоять ножа.

Возникло ощущение, будто некая тварь запрыгнула на крышу и запустила в толстый металл призрачные когти, но тут поезд вырвался на станцию, и я поспешно шагнул в распахнувшуюся дверь. Вытащил из кармана серебряный портсигар и коробку спичек, прямо на перроне закурил и почувствовал, как начал отступать холод запертой в туннеле Вечности.

Вот поэтому и не люблю пользоваться подземкой. Такое чувство, словно селедкой в консервную банку закрутили.

Сделав пару глубоких затяжек, я выкинул окурочек в урну и поспешил к выходу в город. В полном одиночестве поднялся в вестибюль, а стоило только пройти вращающиеся двери, как вокруг расплескались ядовито-неоновые огни вывесок ресторанов, казино и кинотеатров. По улицам сновали автомобили с черно-желтыми шашечками такси; играла музыка; припозднившиеся гуляки переходили из одного заведения в другое.

Припозднившиеся? Да нет, для них все только начиналось...

Осень — город контрастов, да.

Перебежав через проезжую часть, я распахнул весело звякнувшую колокольчиком дверь парикмахерской и стряхнул шляпу.

— Одну минуту, комиссар, — лишь на миг оторвался при

моем появлении от клиента старый мастер. — Присаживайтесь, сейчас освобожусь.

Комиссар!

Я был знаком с владельцем парикмахерской, его детьми и всеми работниками не один год, но полицейский — это всегда полицейский, и только. В прозванном Десяткой районе между городским парком и центральным вокзалом всем управляли *люди традиций*, и общение местных обитателей с легавыми ими категорически не приветствовалось.

Люди традиций — так, если кто не понял, себя именовали здешние гангстеры. Но не стоило думать, будто в Десятке царило беззаконие, вовсе нет. На залитых светом неоновых вывесок улицах можно было совершенно безбоязненно разгуливать и днем и ночью. Банды давно поделили между собой окрестные кварталы, и залетные гастролеры обычно отправлялись отсюда либо в больницу Святой Катерины, либо напрямую в муниципальный крематорий.

Повесив плащ и шляпу на вешалку, я уселся в кресло рядом с тихонько бубнившим джазовую мелодию радиоприемником и взял лежавший на журнальном столике утренний выпуск «Осеннего вестника».

Передовица ожидаемо оказалась посвящена грядущим выборам мэра. Ничего из ряда вон: действующий глава города назвал претендента «популистом, несущим левацкий бред», тот, в свою очередь, в долгу не остался и охарактеризовал соперника как «ретрограда, не видящего дальше собственного носа». То ли еще будет.

А вот на второй странице редакция поместила статью Анны о грядущем открытии дома-музея Дэвида Волина, на котором сегодня моя ненаглядная и пропадала. Как оказалось, четверть века назад этот известный предприниматель и меценат распродал все свои активы и вложил в совершенно безумный проект по строительству железной дороги, призванной соединить город Ангелов и Каньон напрямую, в обход Осени. Из-за чрезмерной протяженности железнодорожной ветки все алхимики как один предрекали неминуемый крах проекта, но случилось чудо — прямо посреди Вечности проходчики наткнулись на никем не исследованную до того территорию. И акции Волина взлетели до небес!

Новый город, так и названный — Нова, перспективное железнодорожное направление, значительные инвестиции. История успеха, да и только. Конец, правда, оказался не столь позитивным. Прогрессирующий склероз, медленное угасание и, как итог, смерть в частной клинике полгода назад.

Статью проиллюстрировали парой фотографий: с одной смотрел сурового вида старик, на соседней красовался пижонистого вида франт с тоненькой полоской усиков над верхней губой. Наследник империи, ага.

Ладно, глянем криминальную хронику, пока время есть...

Но в этот момент парикмахер убрал с лица клиента теплое полотенце, тот расплатился и отправился восвояси, а из подсобки, шаркая ногами, вышел уборщик. Медленно и аккуратно двигая шваброй, он начал сметать в одну кучу обрезки волос, нисколько не интересуясь тем, что происходит вокруг.

Тронутый. Человек, навсегда застрявший между жизнью и смертью.

Иногда проникшие в город или вырвавшиеся на волю при выстреле из револьвера сущности не убивали жертву, а вступали с ее организмом в некий противоестественный симбиоз, превращая человека в *тронутого*. В большинстве случаев такие люди становились апатичными и не слишком сообразительными, но поскольку не имели проблем со здоровьем и алкоголем, их охотно брали грузчиками и подсобными рабочими.

Впрочем, случались и исключения...

Когда пол был подметен, мастер указал на кресло:

— Присаживайтесь, комиссар.

Сам он отошел к радиоприемнику и принялся крутить ручку настройки до тех пор, пока не поймал трансляцию боксерского поединка. Микки Дилон оспаривал титул у Эдди Кука. Точнее — пытался оспорить. Получалось это у него, судя по страдальческим стонам и экспрессивным выкрикам комментатора, из рук вон плохо.

— Опять сами в ночь? — уточнил я, когда парикмахер укрыл меня накидкой.

К этому времени мы остались в одиночестве, и старый мастер позволил себе немного расслабиться.

— Дети! — вздохнул он. — Виктор, ты же понимаешь...

Я усмехнулся:

- Понимаю.
- Тебя только побрить?
- Да.
- Виски подровнять?
- Нет, не стоит.

Прислушиваясь к трансляции, мастер стал помазком намывать мою щетину и вдруг спросил:

— Помнишь Микки Дилона?

Вкус крови во рту, рассеченная бровь, сбившееся дыхание, острая боль в правом запястье и голоса болельщиков, сливающиеся в сплошной гомон толпы.

Да, я помнил Дилона.

— Двадцать седьмой, так? — ловко работая опасной бритвой, продолжил старик. — Знаешь, я был на том бое, когда ты выбил из него дух. — Мастер промокнул мне подбородок салфеткой и уверенно заявил: — Не брось ты бокс, Виктор, вполне мог бы сейчас биться за чемпионский пояс вместо него.

Избавившись от накидки, я поднялся из кресла, достал бумажник и усмехнулся:

— Меня вполне устраивает, что Эдди Кук сейчас превращает в отбивную Дилона, а не меня.

С этим утверждением парикмахер спорить не стал.

— Эдди силен, — кивнул он.

— Возьму газету? — спросил я, надевая плащ.

— Разумеется, Виктор, разумеется...

Я махнул ему на прощанье и вышел на крыльцо. Окинул внимательным взглядом улицу и сразу приметил курившего у перекрестка Сола Когана. Тот не дотягивал даже до моих скромных пяти футов и восьми дюймов, но недооценивать его ни в коей мере не стоило. На коротких дистанциях Сол двигался стремительней молнии, к тому же держал удар не хуже кирпичной стены. Об этом я знал не понаслышке: в свое время мы ходили в один боксерский клуб и славно по-выбивали друг из друга пыль.

Ну и самое главное — человека, сумевшего без связей и родства стать управляющим преуспевающего казино, не стоило равнять с недалекими гангстерами, чьих умственных

способностей едва хватает на вытрясание долгов и запугивание уличных торговцев.

Я и не равнял.

Неподалеку от Сола на тротуаре замер черный родстер с поднятым верхом. Сидевшего за рулем человека разглядеть не получилось.

Помахав над головой свернутой газетой, я перешел в соседствовавшую с парикмахерской кофейню «Шалтай» и только повесил плащ на вешалку, как вновь звякнул колокольчик входной двери.

— Привет, Сол, — протянул я руку непривычно мрачному гангстеру. — Кофе?

— Уже поужинал.

— Какой ужин? Завтракать пора, — улыбнулся я и попросил официантку: — Двойной капучино и гренки, пожалуйста.

Сол Коган с хмурым видом уселся напротив, и его застегнутый на обе пуговицы пиджак явственно оттопырился под левой подмышкой.

«От трех до шести месяцев исправительных работ», — машинально промелькнуло у меня в голове, но, разумеется, тащить старого знакомого в участок я не собирался. Да и зачем? С хорошим адвокатом он окажется на свободе уже к обеду. А адвокат у него был хороший.

— Осталось не так много времени, — глянув на часы, заметил Сол.

Я дождался, когда официантка выставит на стол фарфоровую чашку и тарелку с гренками, отпил кофе и только тогда попросил:

— Вот с этого момента подробней, пожалуйста.

— Слушай, Виктор, когда тебе требуется одолжение...

— Ты всегда знаешь, чем это для тебя обернется, я никогда не использую тебя втемную, — возразил я, разрезая гренок. — Излагай.

— Дьявол! — обреченно выдохнул Сол, и его смуглое лицо на миг напомнило сморщенный чернослив. — На мое заведение положили глаз люди Саливана.

— И почему бы тебе не обратиться за помощью к своим боссам?

— Видишь ли...

— Ах да! — Я развернул вовсе не случайно прихваченную с собой газету и прочитал вслух: — «По информации, полученной из достоверного источника, госпитализированный некоторое время назад с инсультом Адам Марон был переведен сегодня ночью в отделение интенсивной терапии больницы Святой Катерины...»

— Адам долго не протянет, — подтвердил Коган. — Старику под семьдесят, точно не выкарабкается. — Гангстер нервно поежился и ослабил узел узкого галстука. — Все готовится к грызне за власть, сейчас никто не рискнет начать войну с Белым Кулаком даже из-за казино. Когда все устаканится, заведение наверняка вернут, но меня к нему уже и близко не подпустят.

— А что Лео? — как бы между прочим уточнил я, хотя и без того прекрасно знал, что двадцатилетний внук главаря пользуется уважением подельников лишь до тех пор, пока жив дед.

— Лео — щегол, к делам его никогда и близко не подпускали. Думали, успеет в своих университетах ума-разума набраться, но где там! — подтвердил Сол мою информацию. — Вот будь жив его отец, никто бы и пикнуть не посмел, при Борисе все по струнке ходили.

Так и было, да только пристрастие к алкоголю, кокаину и гоночным машинам никого еще до добра не доводило. Единственный сын Адама Марона погиб в автокатастрофе пару месяцев назад, и, как поговаривали, именно это и привело старика на больничную койку.

— Лео ничего собой не представляет, — продолжил бухтеть Сол Коган. — Пустое место. Но нет — надувает щеки, обещает поставить всех на место. Щенок. Койл и Филин его в расчет не берут, уже почти в открытую между собой грызутся. Как старик умрет, сразу сцепятся.

— Понятно. Так, говоришь, всерьез на тебя наехали? Точно не блефуют?

— Парни Саливана уже отжали пару наших ломбардов, прачечную, закусную и автомобильную мастерскую. Теперь нацелились на казино. Как думаешь, Виктор, все серьезно или зря паникую?

Я медленно прожевал последний кусочек гренка и только тогда спросил:

— От меня ты чего хочешь? Патрульных к дверям казино поставить?

— Нет, патрульных не надо, — поморщился Сол. — У нас сегодня встреча, будет по три человека с каждой стороны. Надо, чтобы ты со мной пошел.

— А больше ничего не надо? — хмыкнул я. — Чего сразу Саливана застрелить не попросишь?

Оказаться посреди гангстерской разборки — уже плохо; оказаться посреди гангстерской разборки в качестве участника одной — и вовсе хуже не придумаешь.

— Да перестань ты! — подался ко мне Коган. — Мы просто перетрем, никаких разборок, никаких перестрелок.

— Ну, если ты так говоришь... — холодно улыбнулся я.

— Послушай, Виктор, безопасность сторон гарантируют Лиманы. У нас есть с ними договоренность на этот счет. Никто ни в кого стрелять не будет, понял?

— Тогда я тебе зачем?

И в самом деле — зачем? Семейство Лиманов играло в преступном сообществе города далеко не последнюю скрипку, и, принимая в расчет их просто болезненную шепетильность в деловых вопросах и взрывной темперамент, опасаться за безопасность переговоров не приходилось.

— Да я нюхом какой-то подвох чую! — прошипел Сол. — Нюхом! Душа у меня не на месте, понимаешь? Ты умный, слышал об интуиции? Так вот это она и есть! — Гангстер перевел дух и продолжил: — Просто постой рядом, тебе даже говорить ничего не придется! Я ведь никогда не отказывал...

— Насчет Лиманов информация точная?

— Ты меня знаешь! — возмутился Коган.

Я знал Сола. Но знать человека и доверять ему — это вовсе не одно и то же. Особенно если этот человек гангстер.

Мог Коган намеренно пытаться втравить меня в свои неприятности? Сомневаюсь. Но, с другой стороны, люди в отчаянии и не такие глупости подчас совершают.

— Сейчас вернусь, — предупредил я, поднимаясь из-за стола.

— Ты куда? — насторожился Сол.

— А сам как думаешь?

Я отошел к стоявшей в углу обеденного зала телефонной кабинке, плотно прикрыл за собой дверцу и, кинув в прорезь аппарата четвертак, принялся крутить дребезжащий диск. Набирал номер бара «Фонарь» и какое-то время слушал звучащие в трубке длинные гудки.

— Да? — вскоре отозвался владелец этого заведения Эрик Рой, основной доход которому приносила вовсе не продажа алкоголя, а комиссионные от подпольных карточных игр.

Просто удивительно, сколь много людей не имели возможности или не желали спустать свои деньги в легальных казино. У кого-то были проблемы с комиссией по азартным играм и полицией, кто-то опасался попасться на глаза вездесущим репортерам, а некоторые просто на дух не переносили толп заполнявших игорные заведения бездельников. Нужный мне человек был как раз из числа таких вот оригиналов.

— Это Виктор Грай, — представился я и спросил: — Поль Лиман у тебя?

— Позвать?

— Будь добр.

Когда после недолгого разговора я вернулся к столу, Сол Коган нервно глянул на часы и спросил:

— Ну и? Ты едешь?

Поль Лиман договоренность о встрече подтвердил, а потому не было никаких причин отказать в небольшой услуге своему старому знакомому.

Небольшой? Ну-ну.

— Да, — подтвердил я и полез за бумажником.

— Все уже, расплатился! — остановил меня Сол, надел шляпу и отошел к входной двери. — Идем быстрее!

— Ты ведь понимаешь, что будешь должен? — уточнил я уже на улице.

— Сколько раз я тебе помогал, а?

— Будешь должен!

— Черт с тобой! — выругался Сол и распахнул дверцу родстера с противоположной от водителя стороны. — Залезай!

Я забрался на откидное сиденье; заточенная в автомобильный двигатель сущность немедленно уловила мое присут-

ствие, и движок засбоил. Сидевший за рулем крепыш выругался и поспешно утопил педаль газа, до предела увеличив впрыск алхимического реагента в форсированный движок. Родстер рывком сорвался с места и, быстро набирая скорость, помчался по дороге.

— Где будет встреча? — спросил я Сола.

— За оперным театром.

— Хорошо.

Театр уже второй год был закрыт на реконструкцию, что гарантировало, если так можно выразиться, полную конфиденциальность переговоров. Хорошее место; мне вовсе не улыбалось прочитать в утренних газетах об участии специального комиссара полиции в гангстерских разборках.

Пока ехали, дождь беспрестанно колотил по съемной крыше и дворники размеренно двигались из стороны в сторону, смахивая брызги с ветрового стекла. Но когда родстер въехал на мощенную брусчаткой площадь перед театром, немного распогодилось, и с неба уже сыпалась лишь мелкая морось.

Перед тем как припарковаться, водитель выкрутил руль, заранее разворачивая машину, и лучи фар высветили замерший неподалеку вытянутый автомобильный кузов с хищным оскалом хромированной решетки радиатора.

Сол Коган сверился с часами и поморщился:

— Заранее прикатили. — Он распахнул дверцу, выбрался из салона и злорадно пробурчал: — Ничего, пусть помокнут.

Я присоединился к нему, поправил шляпу и возразил:

— Дождь кончился.

— Неважно.

Водитель тоже оставаться в автомобиле не стал; захлопнув дверцу, он обошел родстер, открыл багажник и вытащил из него короткий штуцер. С невозмутимым видом гангстер спрятал оружие под плащом и уставился на босса, ожидая дальнейших распоряжений.

— Уверен, что это необходимо? — уточнил я у Когана.

— Не доверяю я этим засранцам, — ответил Сол и, прикрыв ладонями спичку, раскурил папиросу. — Ладно, идем.

И мы пошли. Только обогнули здание театра — и сразу заметили мерцавшие в темноте огоньки сигарет.

Трое гангстеров, три светящиеся в ночном мраке точки.

Если только подельники где-нибудь поблизости условного сигнала не дожидаются.

Хотя нет — вряд ли. С Лиманами шутки плохи, шуток они не понимают категорически.

— Сол, дружище! Рад тебя видеть! — шагнул навстречу Когану один из людей Саливана, рыжий и усатый. — Отлично выглядишь!

— Не могу сказать того же о тебе, — хмыкнул Сол, кинул окурок под ноги и затер его подошвой лакированной туфли.

— У всех свои недостатки, — развел руками гангстер. — У тебя вот с пунктуальностью проблемы.

— У меня не с пунктуальностью проблемы, у меня со всякими уродами проблемы.

— Сол, ты просто разбиваешь мне сердце! Я ведь хочу помочь! Ты откусил кусок больше, чем можешь проглотить, и если не похлопать тебя по спинке, просто-напросто подавись. И возможно даже — умрешь.

— Это угроза? — нахмурился Коган.

— Это чистая правда, — расплылся в улыбке наглый тип, пижонский черный костюм которого пестрел частой белой полоской.

Похоже, невелика сошка, вот Сол и бесится, что на встречу с ним шестерку прислали.

— Переходи к делу, — потребовал Коган.

— Никаких дел, никаких условий, — рассмеялся подручный Саливана, и у меня возникло впечатление, что он попросту тянет время.

По спине скользнул неприятный холодок, в окружающей действительности почудилась некая неправильность, и немедленно темень ночи прорезал пронзительный луч переносного прожектора.

— Полиция! — проорал в громкоговоритель срывающийся от напряжения голос. — Никому не двигаться! Бросьте оружие и поднимите руки над головой! Немедленно!

Собеседник Когана без колебаний распахнул полы пид-

жака, демонстрируя отсутствие оружия; пара так и не вымолвивших ни слова гангстеров последовали его примеру.

Даже так?

Громила рядом со мной недовольно засопел; я шикнул на него:

— Не дергайся, — и обернулся к бившему в глаза прожектору со служебным значком в руке. — Специальный комиссар Грай!

Переговорщика это озадачило. Он замялся, словно советуясь с кем-то, а потом вновь прокричал в громкоговоритель:

— Отойдите в сторону! Это наша операция!

Я только хмыкнул. Действительность перестала быть странной и неправильной — словно сложившаяся мозаика, реальность в моей голове вновь приобрела цельный и абсолютно законченный вид.

— Инспектор Крамер, — лишь слегка повысив голос, произнес я, — вы ему объясните или мне придется?

На мгновение тишина осенней ночи стала совсем уж беззвучной, а потом кто-то скомандовал:

— Отбой.

И сразу затопали ботинки, где-то вдалеке лязгнула автомобильная дверца и рыкнул просыпающийся двигатель машины, а в свет прожектора выступила невысокая фигура коренастого человека в дешевом костюме из магазина готового платья и сдвинутой на затылок фетровой, с обтрепавшимися полями шляпе.

— Здравствуй, Петр, — двинулся я ему навстречу.

— Доброй ночи, Виктор, — ответил инспектор на рукопожатие.

На его налитом кровью лице при этом не промелькнуло ни тени эмоции, а вот спешившего следом парня в новенькой форме просто распирало от возмущения.

— Но как же так?! — воскликнул он. — Это ведь преступники! Разве можно их отпускать? Это же наша операция!

— Думаю, специальный комиссар Грай резонно возразит тебе, что это куда более его операция, нежели наша. — Инспектор скривил уголки рта в некоем подобии улыбки, но его тусклые, с красными прожилками глаза взирали на происходящее все так же безучастно, как и раньше.

Меня этот простодушно-безразличный взгляд несколько не обманул; Петр Крамер видел людей насквозь.

— Как вы здесь оказались? — спросил я.

— Анонимный звонок, — поджал губы раздосадованный парнишка.

— Вот как? Очень интересно.

— Не будем тебя больше задерживать, Виктор, — произнес инспектор и, сунув в рот сигару, с силой прикусил ее кончик.

Закуривать не стал, он вообще никогда не курил. Ну — почти никогда.

— Торопитесь? — уточнил я.

— Тебя подождать? — удивился Крамер.

— Было бы неплохо.

— Тогда будем на площади перед театром.

Полицейские отправились восвояси; я обернулся к безмолвно следившим за ходом переговоров гангстерам и указал водителю Когана на оттопыренную полу плаща.

— Сол, ты притащил с собой легавого?! — только тут надумал возмутиться человек Саливана. — Совсем сбрендил?!

— Заткнись, — потребовал я.

— Что?! — опешил гангстер, но тут клацнули взведенные курки штуцера, и он как-то враз растерял весь свой апломб. — Сол, ты ведь не наделаешь глупостей? Лиманы этого так не оставят!

— Не хочу никого разочаровывать, но гарантия Лиманов на полицейскую облаву точно не распространялась, — ухмыльнулся я. — Вряд ли у них возникнут претензии по этому поводу.

— Сол, не дури! Это неправильно!

— А давать наводку легавым — правильно?! — оскалился Коган. — Вы пришли на встречу чистенькими, без стволов, а меня за решетку засадить собирался? Ах ты, тварь такая! Эд, отстрели этому...

— Хватит! — потребовал я. — Нас здесь куча полицейских видела.

— Вот, вот! — моментально успокоился рыжий. — Мы же цивилизованные люди, никто и подумать не мог, что вы при-

тащите на встречу оружие! А кто настучал легавым — так это еще разобраться надо! Мы просто пришли поговорить...

— Вариантов на самом деле два. — У меня не было ни малейшего желания тянуть резину. — Как ты выразился, «просто поговорить» останусь с вами либо я, либо Сол. Что предпочтешь?

— В смысле? — удивился Коган, хотя обращался я, собственно, не к нему.

— Думаешь, они собирались засадить тебя в кутузку? — хмыкнул я. — Да адвокат вытащил бы тебя под залог уже к обеду!

Сол на миг задумался, а потом, стискивая кулаки, подался вперед:

— Собираетесь захватить казино?!

— Все уже решено, — нагло ухмыльнулся в ответ рыжий. — Расслабься! Тебе ничего не изменить! Не суетись, только пыли наглотался! Поздно метаться!

— Очень в этом сомневаюсь, — покачал я головой, взглянув на хронометр. — Глупо вламываться в казино, когда там полно посетителей. Игроки начнут расходиться через час-полтора, поэтому времени у нас предостаточно. Так что выбирай, кто встретит ваших ребят: полиция или люди Марона.

— Да пошел ты, легавый!

— Виктор, ты покарауль здесь, а я пока организую теплую встречу этим ублюдкам! — засуетился Коган. — За мной не заржавеет!

— Стой! — встrepенулся подручный Саливана. — Я могу все отменить!

— Не свисти! — рассмеялся Сол. — Предупредить своих хочешь? Не выйдет!

— Не выйдет, — подтвердил я. — Ну так что?

На усатого было жалко смотреть. Гангстер прекрасно понимал, что любое решение выйдет для него боком, а потому никак не мог определиться с выбором меньшего из двух зол.

Подставить подельников под пули конкурентов или сдать их легавым? Будь на месте рыжего серьезный человек, он бы попытался задавить нас авторитетом или просто заболтать до полусмерти, но серьезные люди собирались сегодня сорвать

банк, а не точить лясы с тем, кого они заранее списали со счетов.

— Решай!

Усатый скривился, будто откусил лимон, и выдавил из себя:

— Пусть остается Сол.

— Поздно! — осклабился Коган. — Все, я пошел!

— Нет, не поздно, — заявил я. Спровоцировать войну банд? Да еще перед выборами мэра? Вот уж даром не надо!

— Это мое дело! — возразил Коган.

— Стоило подумать об этом прежде, чем звать меня. Нет?

— Но...

— Хватит! — отрезал я и повернулся к усатому. — Говори, кто и когда должен вломиться в казино. Только учти — если их перехватят заранее, предъявят разве что обвинение в хранении оружия. Иначе сядут надолго. И это в лучшем случае — штурмовой дивизион обычно сначала стреляет, а уже потом просит бросить оружие и выходить с поднятыми руками.

— Подъедут перед самым закрытием. Фургон прачечной «Росинка».

— Ну, вы тут пообщайтесь пока, а мне пора. Увидимся, Сол.

И, прикоснувшись пальцами к полам шляпы, я отправился на парковку. Там остановился перед шикарным автомобилем подручных Саливана, достал нож и с силой засадил его в крышку. Раздался едва слышный хлопок, зашумел выходящий из проткнутой камеры воздух, и машина слегка завалилась набок. Немного поколебавшись, я все же перешел к родстеру Когана и повторил эту нехитрую процедуру и с ним.

Не то чтобы я совсем уж не доверял Солу, просто в таких делах лучше немного перестраховаться. Загорится ему поднять авторитет, собственными силами решив проблему, и что — трупы с улиц потом убирать? Вот уж не надо такого счастья...

Когда я забрался на заднее сиденье патрульной машины, на меня никто и не взглянул. Ни инспектор Крамер, ни парнишка за рулем, ни даже потеснившийся сержант Фольг.

Долговязый сержант отрешенно откинулся на спинку сиденья; его макушка почти упиралась в потолок, а снятая с го-

ловы фуражка лежала на коленях поверх штуцера, направленного стволами в противоположную дверь. Обычно при взгляде на него люди сначала ловили себя на мысли: «С этим парнем что-то не так» — и только потом обращали внимание на неприятно-серый оттенок кожи и неестественную для живого человека неподвижность.

И действительно — Фольг не был «живым» в полном понимании этого слова; он был тронутым. Поразившая сержанта в давней перестрелке *сущность* не убила его, а лишь слегка изменила; вероятность такого исхода не превышала одного шанса на тысячу, но Фольг оказался счастливым. Правда, везение его скорее заключалось не в том, что он избежал поездки в крематорий, а в том, что сохранил прежнюю работу. И вот уже за это ему следовало благодарить не слепую усмешку судьбы, а инспектора Крамера.

Он и благодарил. Цепной пес, ага...

— На казино «Колесо Фортуны», — произнес я, расстегивая плащ, — сразу перед закрытием будет совершен налет. Вам нужен фургон прачечной «Росинка».

— Нам? — с неприкрытым сарказмом поинтересовался Петр Крамер и поправил шляпу, на миг открыв моему взгляду рану, оставленную давным-давно угодившей в его затылок сущностью. Сержант Фольг был не единственным тронутым в этом автомобиле.

Прикрыв рот ладонью, я зевнул и уточнил:

— А вы против?

Инспектор на миг задумался, потом покачал головой:

— Нет, не против. — И поинтересовался: — Кого ждать?

— Боевиков Саливана.

— Поехали, — скомандовал Петр, и сидевший за рулем парень легко пробудил дремавшую в двигателе сущность. Патрульный автомобиль плавно тронулся с места и, разбрызгивая грязную воду из луж, покотился по ночным улицам.

Я на всякий случай ухватился за ручку над головой, но водитель уверенно вписывал машину в повороты и ни разу не дал повода для беспокойства.

— Виктор, как думаешь — дело серьезное? Стоит привлекать штурмовой дивизион? — спросил Крамер некоторое время спустя.

— Я бы привлек.

— Понятно. — Петр надолго замолчал, а когда темные громады офисных зданий остались позади и вокруг замелькали неоновые витрины развлекательных заведений, уточнил: — Тебя где посадить?

— У казино.

— Хорошо. — Он с силой прикусил зубами кончик сигары и за всю поездку не произнес больше ни слова.

Я тоже. Все так же молча выбрался из остановившегося перед казино автомобиля и отправился напрямик в бар.

— Содовой и самую капельку виски, — попросил бармена, но тот, как обычно, переврал запрошенную пропорцию с точностью до наоборот.

Ладно, сойдет.

Встав со стаканом в руке у балюстрады, я оглядел с высоты второго этажа игровой зал, не заметил ничего подозрительного и занял столик у окна. На улице вновь начал моросить дождь, курившие перед центральным входом таксисты разбрелись по автомобилям, мимо медленно прокатила патрульная машина.

Все как обычно, все как всегда. Надеюсь, так оно и останется.

Сол Коган прикатил часа через полтора. Недобро глянув на меня, он уселся напротив и махнул рукой официанту:

— Виски! — а когда перед ним выставили тумблер с налитым на пару пальцев напитком соломенного цвета, нахмурился и скомандовал: — Бутылку, лед и что-нибудь горячего на стол. Живо!

— И содовой принесите! — добавил я.

— С тебя новая камера и ремонт покрышки, — заявил Коган.

— Запиши на мой счет.

— Знаешь, Виктор, вот без этого вполне можно было обойтись! — поморщился Сол и распечатал бутылку выдержанного виски. — Взяли их уже?

— Без понятия, — пожал я плечами. — Теперь это не моя головная боль.

— Надеюсь, и не моя, — хмыкнул Коган, вновь наполняя

стаканы. Предупредительный официант тут же подхватил сифон и долил мне содовой. — Свободен, — отпустил его Сол. — Свободен, свободен! — повторил он. — Дальше сами.

— Не волнуйся, — зевнул я, прикрыв рот ладонью. — Крамер все сделает в лучшем виде.

— Очень на это надеюсь.

— За тобой должок.

— Сочтемся.

Мы выпили, почти сразу принесли горячее, и на какое-то время стало не до разговоров. А когда только-только обсудили последние новости, бутылка подошла к концу, и я поднялся из-за стола.

— Увидимся, Сол.

— Может, продолжим в номере? — традиционно предложил гангстер. — Вызову девочек, а?

— Не стоит, — столь же традиционно отказался я.

— Тогда провожу.

Мы спустились на первый этаж, и тут у игровых столов послышался какой-то шум.

— Что за дела? — всполошился Сол.

Я перехватил его метнувшуюся под полу пиджака руку, стиснул мускулистое запястье и потребовал:

— Спокойней!

И точно — это был не налет, просто охрана выдворяла из игрового зала какого-то дебошира.

— Виктор! — завопил вдруг тот. — Виктор, скажи им!

— Знаешь его? — удивился Коган.

— Знаю, — подтвердил я и попросил охранников: — Будьте добры, отпустите.

— Уберите руки! — потребовал Карл Верст, поправил очки в тонкой золоченой оправе и заюлил: — Виктор, произошло какое-то нелепое недоразумение...

— Никакого недоразумения, — присоединился к нам начальник охраны. — Этот человек находится в черном списке комиссии по надзору за азартными играми. Ему запрещено здесь играть.

— Как и в любых других заведениях, — добавил Коган.

— Но это простые формальности!

— Из-за этих формальностей у нас могут отозвать лицензию.

— Да никто не обращает внимания на такую ерунду! — всплеснул руками Карл. — Послушай, Виктор, у меня были определенные проблемы с комиссией, но они остались в прошлом!

— Давай-ка поднимемся в бар, — предложил я, не желая вести разговор на всеобщем обозрении.

Мы вернулись на второй этаж, и Коган сразу потребовал три порции виски. Я тяжело вздохнул, но от выпивки отказываться не стал. Пара лишних глотков теперь уже точно не повредит.

— Виктор, — вновь начал нудить Верст, — ты же знаешь, я не могу без карт...

— Слушай, Карл, я еще мог понять, когда ты сломал нос крупье! Погорячился, с кем не бывает. Но в прошлый раз ты влетел на семь тысяч, и мне пришлось договариваться с казино о внесудебном соглашении. Тогда было чертовски просто убедить их пойти на мировую! — Я глотнул неразбавленного виски и уставился на Карла. — Ты понимаешь, что реально мог загреметь на каторгу?

— Виктор, сейчас все не так! Я работаю в предвыборном штабе Ланфорда, деньги больше не проблема! Вот, смотри! — И Верст раскрыл бумажник, набитый крупными купюрами. — Деньги есть! Ты же знаешь — без карт я просто слечу с катушек! Я уже подал документы в комиссию по играм, но эти бюрократы все никак не исключают меня из черного списка!

— Я его в зал не пущу, — твердо заявил Сол Коган. — Виктор, хватит одного доноса...

— Да послушайте! — взмолился Карл. — По всем опросам выходит, что Ланфорд на выборах даст мэру под зад. Разве вам не нужен хороший друг в мэрии? В долгу ведь не останусь! Виктор, ну пожалуйста...

— За что ты отвечаешь в предвыборном штабе? — задумчиво уставился я на Верста.

— Работаю с профсоюзами, занимаюсь социальной политикой. Ты же знаешь, мы делаем ставку на пролетариат!

Коган подавился виски, похлопал меня по плечу:

— Удачи в этом нелегком деле! — и отправился восвояси.

— Ну, Виктор...

Карла начала бить крупная дрожь, и я спросил:

— На чем сидишь?

— Я?! — возмутился в ответ тот. — Ни на чем! Просто немного кокаина, чтобы расслабиться. Ты же понимаешь, эта предвыборная кампания...

— Ладно, есть вариант, — вздохнул я, вовсе не уверенный, что впоследствии не придется об этом пожалеть. — Но ты должен пообещать одну вещь...

— Что угодно! Только скажи!

— Мне не нужно «что угодно». Мне нужно, чтобы ты не играл в долг. Только на наличные, которыми располагаешь.

— У меня на счете лежит три тысячи. И открыт кредит. Я тебя не подведу!

— Если влипнешь, подведешь не меня. Подведешь себя. — И я протянул Карлу визитку бара «Фонарь». — Эти люди шутить не будут, с ними я тебе помочь уже ничем не смогу.

Верст зябко поежился, но визитку тем не менее взял.

— Гангстеры? — уточнил он.

— Типа того, — подтвердил я. — И раздробленные коленные чашечки будут твоими наименьшими проблемами, если влипнешь в долги.

— Никаких долгов.

— Ладно, спроси Эрика Роя — это хозяин. Скажешь ему, что от меня.

— И все?

— Да.

— Спасибо, Виктор! — затряс мне руку обрадованный Карл. — Спасибо огромное!

Спрятав визитку в бумажник, он опрометью выскочил из бара; я покачал головой и отправился следом. Спустился на первый этаж, вышел на улицу и остановился рядом с курившим на крыльце Коганом.

— Все же уходишь? — спросил он.

— Да, — подтвердил я. — Увидимся.

— Не пропадай...

Я пожал ему руку, поднял воротник плаща и зашагал по

тротуару. Дождь стих, небо прояснилось, и не было никакого желания возвращаться домой.

Да и смысл? На часах — четверть седьмого; Анна спит и видит сны, зачем ее будить?

И я свернул в сторону городского парка. Прошелся по безлюдной аллее, выбрал скамейку на берегу тихого пруда и, закурив, начал наблюдать, как восходящее солнце подсвечивает алыми отблесками длинные перья полупрозрачных облаков и верхнюю, расплывавшуюся блеклой радугой грань Вечности. Ночь никак не желала сдавать свои позиции, небо по-прежнему темнело бездонной синевой, но с каждой минутой утро незаметными, едва уловимыми мазками светлых красок меняло ситуацию в свою пользу.

Все же рассвет — удивительно красивая штука, а уж после полбутылки виски он и вовсе волшебен...

ГЛАВА 2

Утро не задалось.

Когда человек приходит домой после бессонной ночи, обычно единственное, что его по-настоящему интересует, — это как бы поскорее очутиться в постели; я исключением не был. Ну в самом деле, почему бы не вздремнуть, если впереди свободный день?

Суббота!

Но нет же — обязательно разбудят...

— Виктор! — растолкала меня Анна. — Тебя к телефону.

— Кто там еще? — пробормотал я, с трудом отрывая голову от подушки.

— Этот, из «Фонаря». Эрик Рой.

Сон как рукой сняло.

Рой?!

Неужто Карл и у него начудить успел?! Вот и помогай после этого людям!

Я откинул одеяло и прошлепал босыми ногами на кухню. Там взял лежавшую на столе рядом с телефонным аппаратом трубку и произнес:

— Алло!

— Виктор, ты кого ко мне отправил?

— А что такое? — обреченно выдохнул я в ответ.

— Этот чудик просадил за ночь семь сотен и ушел довольный, будто дорвавшийся до титьки младенец!

Я посмотрел на часы и поморщился:

— Эрик, ты звонишь в такую рань лишь за тем, чтобы сообщить о столь радостном для тебя событии?

— Уже восемь! — заявил Рой. — Нормальные люди давно встали!

— Не путай нормальных людей и людей обычных, — поморщился я и попросил: — Ладно, выкладывай, чего хочешь?

Эрик помялся, потом несколько неуверенно сказал:

— Виктор, мне не нужны проблемы, понимаешь? А любая заминка с возвратом проигрыша — это проблема почище занозы в заднице. Такие вещи очень плохо сказываются на бизнесе. Поэтому если скажешь, сколько твой приятель может позволить себе проиграть, мы заранее исключим вероятность привлечения специалистов по взысканию задолженности...

— Хорошо, узнаю. Это все?

— Да.

— Не звони больше в такую рань.

Я повесил трубку и, страдальчески морщась, помассировал виски.

— Что-то случилось? — забеспокоилась подруга.

— Ерунда, — отмахнулся я. — Поспать не дали.

— Кофе сделать? — предложила девушка.

— А ты не опаздываешь?

— Для тебя у меня всегда найдется время! — рассмеялась Анна. — Яичницу?

— Было бы здорово.

Я отправился в ванную комнату, забрался под душ и какое-то время просто обливался холодной водой, пытаюсь прийти в себя. После вытерся, обернулся махровым полотенцем и вернулся на кухню.

— Поспал бы еще, — предложила стоявшая у плиты Анна.

— Посплю, — кивнул я, любуясь девушкой.

А полюбоваться было чем. Даже в бесформенном домашнем халате она могла дать фору любой модели, а уж когда наряжалась в узкую юбку, блузку и облегающий жакет, от нее и вовсе глаз было не оторвать.

Высокая, светловолосая, с тонкими чертами лица и спортивной фигурой, Анна Соркин благодаря состоянию отца входила в список самых завидных невест города, но свадьбе с каким-нибудь богатеньким франтом и роскошному пентхаусу в центре предпочла работу обозревателя «Осеннего вестника», меня и скромную съемную квартиру в далеко не самом престижном районе города.

Мне было хорошо с ней. Думаю, ей со мной тоже.

— О чем задумался? — обернулась девушка, словно почувствовав пробежавший по спине взгляд.

— Так, — покачал я головой. — Ерунда, — и зевнул. — Да, кстати! Прочитал твою статью, просто какой-то провидец этот Волин!

— Или везунчик, каких свет не видывал, — рассмеялась Анна, выключила плиту и с отвращением просунула руку в длинную перчатку, прорезиненную ткань которой расчертили серебристые алхимические формулы. Девушка неуверенно взялась за ручку встроенного в стену *хранилища*, и я поспешил подняться из-за стола.

— Что достать? — оттеснил ее в сторону.

— Молоко, — попросила подруга. — Жуткая штука, до сих пор никак не привыкну.

— С перчаткой-то какие проблемы? — Я запустил руку в заполненное безвременьем нутро хранилища, нашарил бутылку молока и выставил ее на стол.

— Страшно, — созналась Анна и пожаловалась: — Тебе хорошо, а меня просто дрожь бьет, когда что-то доставать приходится.

— Привыкнешь.

Заполненные безвременьем хранилища были последним достижением алхимической мысли. И, надо сказать, достижением весьма удобным — помещенные туда продукты сохраняли все свои первоначальные свойства, не нагревались, не остывали, не портились. Свежая выпечка могла пролежать так год и при этом остаться мягкой и теплой, будто только достали из печи.

Удобно? Удобно. Но еще более дорого.

Не окажись у меня хороших знакомых в алхимической

мастерской, где клепали эти чудо-агрегаты, подобную по-купку я бы не потянул даже в кредит.

Анна добавила в кофе молоко, переложила яичницу из сковороды на тарелку и убежала одеваться.

— Как прошла ночь? — уже из комнаты крикнула она.

— Пообщался с Крамером, — ответил я, убирая запотевшую бутылку обратно в хранилище.

— Брр, — поежилась забежавшая за сумочкой Анна. — Жуткий тип.

— Скажешь тоже!

— Хорошего человека Могилой не назовут.

— Это да, — усмехнулся я.

Прозвища к инспектору и в самом деле прилипли не самые благозвучные. За глаза его звали Могилой и Мигренью; откуда это пошло — понятия не имею. Не то чтобы причин называть так Петра не было вовсе, скорее уж их имелось слишком много.

— Все, пора бежать! — Анна поцеловала меня в щеку и посмотрелась в зеркало. — В девять оперативка у главного редактора, еще накраситься успеть надо.

— Ты и так там самая красивая.

— Только там? — возмутилась подруга.

— И там, и вообще.

— Нет предела совершенству!

— Счастливо.

— Чао, любимый! — Девушка послала мне воздушный поцелуй, выпорхнула в прихожую, и почти сразу оттуда послышался стук захлопнувшейся двери.

Расслышав явственный щелчок замка, я спокойно отпил кофе, отставил кружку в сторону, но только взялся за нож и вилку, как начал надрываться телефонный аппарат.

— Да? — раздраженно рявкнул я в трубку.

— Виктор, ты дома? — послышался несколько нелогичный в этой ситуации вопрос.

— Слушаю тебя, Алекс, — сбавил я тон. И раз уж справился с искушением утопить рычажки телефона, то вынужден был поинтересоваться грядущими неприятностями: — Что опять стряслось?

Именно — стряслось, и никак иначе.

Алекс Бриг был моим хорошим другом, и, пребывая в здравом уме и трезвой памяти, он никогда бы не стал называть в восемь утра, чтобы просто поболтать о пустяках. Всем моим друзьям и даже просто знакомым давно известно, чем чреват столь опрометчивый поступок. Мне ведь вовсе нетрудно нанести ответный визит вежливости часика так в два ночи... или в три...

Но Алекс Бриг ко всему прочему был еще и профессиональным медиатором, а человеку, который решает чужие проблемы, сводит между собой нужных людей и сглаживает конфликты, обычно совершенно безразлично, сколько на часах времени, если требуется избавиться от неприятностей очередного клиента.

Так оно и оказалось.

— Ты мне нужен, — прямо заявил он.

— Да что ты говоришь? — хмыкнул я и вновь отпил кофе. — Может, скажешь для начала, что именно стряслось?

— Поговорим на месте. Такси тебе я уже вызвал.

В трубке раздались короткие гудки, я опустил ее на рычажки и задумчиво пробормотал:

— Ну ты, Алекс, молодец...

Пробормотал и отправился одеваться. Беспокоить меня по пустякам Бриг обыкновения не имел, да и долетавший из динамика вой сирен на заднем плане вряд ли был случаен.

У кого-то из клиентов Алекса проблемы с полицией, и он рассчитывает, что я смогу помочь? Не знаю, не знаю. Но ехать придется в любом случае.

В конце концов, зачем еще нужны друзья?

Когда спустился во двор, такси уже стояло у парадного; только забрался на переднее сиденье, и автомобиль без промедления тронулся в путь.

— Куда едем? — уточнил я.

Таксист выдернул из-за солнцезащитного козырька мятую бумажку и прочитал адрес:

— Береговая, тридцать восемь.

— Старый Берег? — прикинул я.

Этот застроенный фешенебельными особняками район слыл пристанищем богачей, чьи интересы обслуживали луч-

шие адвокаты города, поэтому дело было точно не в пьяном вождении или унции кокаина, найденной у сынка какого-нибудь биржевого воротилы.

Нет, стряслось что-то серьезное. Бриг из-за ерунды суетиться не станет.

— Старый Берег, да, — кивнул таксист и замолчал, неведомым профессиональным чутьем сразу определив во мне полицейского.

Так и ехали — молча, и только когда вдоль дорог потянулись живые изгороди, водитель опустил боковое окошко и озадаченно пробормотал:

— Тридцать три, тридцать пять, тридцать семь, а дальше? Где тридцать восьмой-то?

— С другой же стороны, — подсказал я. — Он же четный!

— Я понимаю, что четный, — хмыкнул таксист и припарковался у тротуара. Вылез из машины, прошелся по улице, разглядывая номера на почтовых ящиках, но вскоре вернулся обратно. — Нет такого дома.

— А вот поворот, может, там?

Водитель пожал плечами и направил автомобиль в замеченный мной узкий проезд, но минут через пять лавирования меж высоких заборов мы уперлись в запертые ворота и пришлось сдавать назад.

— Почтальон едет, — указал я. — Спроси.

Таксист выскочил наружу, выслушал совет велосипедиста и вновь уселся за руль.

— Говорит, дорогу застроили, надо объезжать, — пояснил он и, пробудив заточенную в двигателе сущность, направил такси в указанном почтальоном направлении. Минут через десять сбросил скорость и недоуменно хмыкнул: — Тридцать девять есть, тридцать шесть есть. А тридцать восьмого нет!

— Тормози, — распорядился я, увидев кативший навстречу полицейский автомобиль. Распахнув дверцу, уверенно шагнул на проезжую часть и продемонстрировал служебный значок.

— Что-то случилось, комиссар? — опустил боковое окошко сидевший на водительском месте патрульный.

— Тридцать восемь по Береговой — это где?

Полицейский на миг задумался, а затем указал в сторону, откуда мы только что приехали:

— Надо вернуться на пару кварталов и повернуть налево.

— Уже пробовали, — вздохнул я. — Там проезд закрыт, а тридцать девятый дом — вот он.

Патрульный смутился.

— Честно говоря, комиссар, планировка этого района несколько запутанна...

— Тогда так! — Я решил зайти с другой стороны. — Какие-нибудь происшествия сегодня поблизости были? Экстренные вызовы?

— Убийство! — оживился полицейский на пассажирском сиденье. — Комиссар, вас убийство интересует?

— Где?

— Вон тот кондоминиум, — указал он на торчавшую над особняками крышу многоквартирного жилого дома. — Следующий поворот налево.

— Спасибо. — Я вернулся в такси и уточнил: — Слышал?

— Да, — кивнул водитель.

Автомобиль тронулся с места, свернул в переулок и вскоре подъехал к ограде новенькой пятиэтажки. И сразу от въезда во двор едва ли не под колеса такси бросился карауливший меня Алекс Бриг.

— Где тебя черти носят? — раздраженно бросил он. — Час! Я звонил тебе час назад!

— Полегче, — усмехнулся я, выбираясь из салона. — И так совершенно случайно адрес нашли.

Медиатор в ответ лишь фыркнул, после расплатился с таксистом и заторопился:

— Идем! У нас не так много времени!

Не сдвинувшись с места, я перехватил его руку и спросил:

— Что стряслось?

Убийство — это не шутка. Попытаться замять убийство — идея не из удачных. Возможно, Алекс справится и с этим, но без меня. Я в такие игры не играю.

— Все плохо, — поморщился медиатор. — У нас на руках труп. И человек, которому никак нельзя отправляться в тюрьму.

— Не самый лучший расклад, — признал я, поражаясь,

что Бриг вообще решил взяться за столь дурно пахнущее дело.

Обычно он избегал вступать в прямую конфронтацию с полицией, предпочитая выискивать обходные пути с помощью многочисленных связей и своего знания уголовного законодательства. А в законах, надо сказать, он разобрался почище большинства адвокатов; недаром уже в двадцать шесть получил назначение на пост заместителя районного прокурора и какое-то время слыл среди коллег восходящей звездой. В тридцать лет Алекс понял, что в системе правосудия достиг своего потолка, и, когда его в очередной раз обошли с повышением, резко поменял амплуа. Он перестал создавать людям проблемы, более того — начал весьма успешно их решать. Как оказалось, именно это и было его истинным призванием.

В среде медиаторов Бриг по праву считался одним из лучших специалистов по разрешению уголовных проблем, и я с трудом мог представить, чтобы он по доброй воле взялся за столь гиблое дело. Если только ему не посулили очень, просто неприлично большой куш. Или не обратился человек, которому никак нельзя отказать. Но таких деятелей в Осени было не так уж и много...

И, словно подтверждая мои догадки, медиатор с мрачным видом кивнул на заполонившие двор полицейские автомобили и как-то очень уж горько пробурчал:

— Слетелись, стервятники!

— Когда-то ты сам верховодил в этой стае, — напомнил я, разглядывая территорию кондоминиума через кованую ограду.

На первый взгляд ничего необычного. Парковка, цветники и клумбы, на въезде — будка привратника с поднятым шлагбаумом. Люди здесь жили явно не бедные, но по меркам района дом был далеко не самый роскошный. Так из-за чего тогда весь сыр-бор?

— Идем! — позвал меня медиатор.

— Рассказывай!

— Нельзя терять ни минуты!

— Чего нельзя, так это использовать меня втемную, — покачал я головой и поправил галстук. — Либо вводи в курс дела, либо — до свиданья!

— Ты меня так не подставишь!

— Тогда и ты меня не подставляй! Знаешь, мне совсем не улыбается вылететь с работы из-за твоего желания прогнаться перед какой-то важной шишкой.

— Ты даже не представляешь, насколько важной, — поморщился Бриг, и его скуластое, с мощной челюстью лицо окончательно сравнялось пропорциями с кирпичом. — Слышал уже, что здесь случилось?

— Слышал. Убийство.

— А кто главный подозреваемый?

— Нет.

— Рональд Готвальд-младший!

— Первый раз о таком слышу.

— Вот только не надо! — рыкнул Алекс. — Он из тех самых Готвальдов! Да, тех самых!

— Успокойся, а то нас сейчас попросят покинуть территорию, — улыбнулся я, заметив, как уставились на медиатора дежурившие у ворот патрульные. — Разумеется, мне известно, что Готвальд-старший занимает пост директора-распорядителя семейного траста, который контролирует городской вокзал. Ну и? Дальше-то что?

— А дальше у нас выборы! — неожиданно выдал Бриг. — Готвальд-старший готов поддержать мэра, профсоюз грузчиков тянет одеяло на себя, рассчитывая продаться Ланфорду. Если газетчики прознают об убийстве, из этого раздуют грандиозный скандал!

— Ну да! — усмехнулся я. — Мэр на каждом углу трубит о борьбе с преступностью, и вдруг такое. Скандал в благородном семействе, да и только.

— Тебе смешно? — нахмурился медиатор. — А мне так не очень. Советник Гардин лично попросил меня разрешить эту ситуацию!

— Подумать только, сам советник Гардин! — Я продолжал ерничать, хотя на деле никаких поводов для иронии не было.

Согласно неофициальной табели о рангах, Гардин являлся одним из наиболее влиятельных политиков в окружении нынешнего мэра, а некоторые газетчики и вовсе всерьез называли его серым кардиналом городского совета. Как бы то ни было, влиянием он обладал просто колоссальным.